
Г. Е. ЛЕБЕДЕВА, В. А. ЯКУБСКИЙ

**НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ЗАРУБЕЖНЫЕ ПОЕЗДКИ 1927—1928 гг.
(Из материалов к научной биографии академика Ф. И. Успенского)**

В январе 1927 г. в Академию наук СССР поступило письмо из Белграда, датированное 31 декабря 1926 г. Академика Ф. И. Успенского приглашали принять участие в работе белградского Второго международного конгресса по византиноведению, каковой должен был явиться первым такого рода съездом «на славянской почве». «Организационный комитет, — говорилось в письме, — горячо желая, чтобы славянское византиноведение заняло на этом съезде принадлежащее ему место в истории этой специальности и в междуславянских братских отношениях, особенно полагает, чтобы и самая блестящая звезда из живых славянских византинистов, академик Ф. И. Успенский, принял личное участие в заседаниях сказанного съезда. Подчеркивая важность такой научной манифестации, Комитет имеет честь обратиться к Русской государственной академии с просьбой дать глубокоуважаемому Нестору славянского византиноведения, Федору Ивановичу, который уже приглашен лично, возможность приезда на наш конгресс».¹

Подписавшие письмо президент Комитета И. А. Радониц и его коллеги изъяснялись несколько высокопарно (и никак не могли разобраться с тем, как теперь следовало именовать бывшую Императорскую Академию наук). Но в отношении Ф. И. Успенского, названного в письме Нестором, они по существу нисколько не преувеличивали. О заслугах ученого и их признании в научном мире говорило уж одно то, что, наряду с членством в нашей Академии наук (с 1900 г.), он был, по подсчетам В. Н. Бенешевича, членом 6 зарубежных академий — Французской, Чешской, двух Сербских — в Белграде и в Загребе, Болгарской, Баварской, и еще около 40 ученых учреждений, русских и иностранных, избрали его почетным членом.² В Париже в 1928 г. печатается сборник, посвященный 80-летию Ф. И. Успенского, с участием исследовате-

¹ ПФА РАН, ф. 116, оп. 1, д. 164, л. 36.

² Там же, д. 170, л. 133; д. 164, л. 1—30.

лей из разных стран. Он выйдет в двух томах, но уже после смерти ученого.³

Федор Иванович в Белград не поехал. «Несмотря на искреннее желание, мне не удалось принять участие во II Международном конгрессе византинистов, — констатировал он в письме главному секретарю Белградского конгресса профессору Д. Анастасиевичу. — Письмо организационного комитета в Академию наук от 31 декабря 1926 г., равно как и Ваша телеграмма от имени Конгресса, глубоко меня тронули и вызвали во мне самые горячие чувства благодарности к комитету и Конгрессу, — продолжает Федор Иванович, переходя далее к другим делам. — Не имею данных, что моя посылка в Конгресс „Истории Византийской империи“ т. II (часть 1) и посвященной Конгрессу книги „Вазелонские акты“ получены в Белграде. Я бы желал, чтобы эти труды были приняты как дань личной признательности и выражения искренних благожеланий дальнейших успехов движения в области византиноведения».⁴

Какие обстоятельства помешали Ф. И. Успенскому осуществить свое намерение? В письме Анастасиевичу об этом ни слова, что само по себе симптоматично. Вполне могли дать себя знать здоровье и возраст сверх всякой меры загруженного работой ученого, которому в феврале 1927 г. исполнилось 82 года. Незадолго до того, в конце 1926 г., академик подал в Правление Ленинградского государственного университета заявление «об оставлении университета вследствие преклонных лет и неудовлетворительного состояния здоровья».⁵ Впрочем, нетрудно предположить, что за этой дипломатичной формулой стояли совсем иные, политические причины расставания с университетом, где в те годы всемерно насаждались новые порядки. Надо сказать, что, по словам современников, ученый «до конца своих дней изумлял всех своей работоспособностью».⁶ Он неустанно трудился и был полон творческих планов. Подтверждением тому служат его новые публикации, обширная переписка, многочисленные научные доклады, в мае 1928 г. были закончены «Очерки по истории Трапезунта» (около 15 п. л.).⁷ Стоит добавить, что и в последние годы жизни он, судя по академическим протоколам, практически не пропускал заседаний Академии, в этом смысле разительно отличаясь от многих своих собратьев.

С другой стороны, помешать поездке в Белград могли административные препоны. Как известно, политические веяния в стенах АН, как и во всей стране, в ту пору давали достаточно поводов и для надежд, и для страхов, что так рельефно запечатлела частная переписка нашей академической элиты, положенная в основу монографии М. А. Робинсона.⁸

³ L'art byzantin chez les slaves. Recueil dedie a la memoir de Fh. Uspenskiy. Paris: Gerthner, 1930—1932. Т. 1—2.

⁴ ПФА РАН, ф.116, оп.1, д.164, л. 39.

⁵ Там же, л. 33.

⁶ Там же, д. 170, л. 86.

⁷ Там же, л.132.

⁸ См.: Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917—начало 1930-х годов). М., 2004.

Советские ученые еще сравнительно свободно печатались в иностранных научных изданиях. На заседаниях Академии речь зачастую шла о заграничных командировках ее сотрудников, заслушивались научные отчеты о пребывании за рубежом. Правда, в академических протоколах этого времени уже появляются тревожные симптомы. В Президиум Академии наук все чаще поступали запросы руководителей академических учреждений по поводу задержек с выездом их сотрудников за рубеж.⁹ Должно быть, об этом знали и на Западе, и то, что приглашения Федору Ивановичу Успенскому были посланы дважды — ему лично и на имя Академии, возможно, свидетельствовало не только о глубочайшем уважении к нему со стороны международного научного сообщества, но и о сомнении устроителей Конгресса, разрешат ли советские власти поездку академика в Белград.

Документы из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН заставляют думать, что в данном случае в самом деле не обошлось без политики. Обращают на себя внимание некоторые странности в ходе рассмотрения вопроса о поездке Ф. И. Успенского на Конгресс. Начать с того, что, обсудив этот вопрос, заседание Президиума АН 14 января 1927 г. постановило: «Просить заключение Ф. И. Успенского о возможности его поездки в Белград».¹⁰ Решение по меньшей мере настораживает. Ему, насколько знаем, нет аналогов в протоколах заседаний Академии наук, на которых подобные вопросы обсуждались многократно. Удивляет и то, что в протоколах последующих заседаний искомое «заключение» не фигурирует, хотя было правилом докладывать академиком о выполнении ранее данных ими поручений. По-видимому, вообще вопрос о поездке Ф. И. Успенского в Белград на заседаниях Академии наук больше не поднимался.

Ф. И. Успенский, которому не довелось побывать на Конгрессе, внимательнейшим образом следил за его работой. Ниже воспроизводится содержащийся в протоколах Отделения исторических наук и филологии АН текст зачитанного 11 мая 1927 г. Федором Ивановичем доклада по этому предмету:

«О результатах состоявшегося в апреле 1927 г. II Международного Конгресса византистов уже начинают появляться сообщения его участников. Самым важным и достойным особого внимания с точки зрения интересов византиноведения в СССР должно быть признано то, что среди членов Конгресса возникла мысль о необходимости создания общего центра, объединяющего работы славянских ученых в области византиноведения. При обсуждении этой мысли на Конгрессе всеми высказывалось, что естественным центром работы славянских ученых по византиноведению должен бы быть издаваемый АН „Византийский временник“, но что в настоящее время почтовые и личные сношения славян с СССР слишком затруднены, и потому необходимо искать место для научного объединения помимо „Византийского временника“; по-видимому, объединяющим центром временно будет служить действующий в Праге *Seminarium Kondakovianum*. Полное отсутствие византинистов из СССР на Конгрессе произвело сильное впечатление на весь Конгресс и вызвало глубокое и искреннее сожаление со стороны всех членов его.

Считаю своим долгом довести до сведения АН полученные мною известия. Конечно, нас должен радовать уже сам по себе всякий шаг вперед, по пути организации научной работы,

⁹ См., например: ПФА РАН, ф. 116, оп. 2, д. 31, л. 227; д. 34, л. 29.

¹⁰ Там же, оп. 1, д. 279, л. 17.

объединение же славянских византинистов доставляет особое удовлетворение как потому, что необходимость такого объединения назрела давно и осуществление его составляло одну из очередных последних лет деятельности Русского археологического института в Константинополе, так и потому, что в центре работы станет молодая научная организация молодых русских ученых, работающая с беззаветным энтузиазмом, привлекающая к сотрудничеству и русских ученых из СССР и иностранцев и сумевшая обеспечить себе достаточные средства для издания своих трудов.

Но следует принять во внимание и то, что заслуженный и желанный успех русских ученых сил за границей вместе с тем заключает в себе для византиноведения СССР опасность утраты ими того почетного положения, которое добыто трудами русских ученых в течение почти двухвековой работы их в АН и под влиянием АН. Опасность станет совершившимся фактом, если мы ограничимся лишь наблюдением того явления, что византинисты из СССР находят себе радушный прием в заграничных периодических изданиях, иногда на $\frac{2}{3}$ заполняя их, и если не будем действовать так, как того настоятельно требует реальная обстановка. На самом деле очень красноречивы следующие факты:

1) музеи, библиотеки, архивы и памятники быта и литературы в разных частях СССР представляют неисчерпаемую, часто единственную в мире сокровищницу материалов для исследовательской работы;

2) для научной обработки этих материалов сохранился еще значительный кадр работников старшего поколения и выдвинулось немалое количество молодых, с честью пробующих свои силы в различных областях византиноведения, особенно же в истории искусства и археологии;

3) длинный ряд научных учреждений культивирует византиноведение в особых секциях;

4) только очень небольшая часть работ по Византии печатается в СССР, большая же за границей; самая же большая и притом важная часть их лежит без движения.

При таких условиях византиноведение в СССР имело бы полную возможность как оправдать то почетное положение объединяющего центра работы славянских ученых, которое признавалось за ними и на Конгрессе, так и сохранить без перерыва свое традиционное место в общенаучной работе.

Но, оказывается, на пути естественного развития и роста русского византиноведения стоит прежде всего такое препятствие, как затрудненность личных отношений славянских ученых с учеными кругами Ленинграда и других городов СССР. Она ярче всего обнаружилась в невозможности для русских ученых участвовать на Конгрессе: хотя Конгресс был совершенно чужд всякой политике, однако даже присланная непосредственно в АН просьба о командировании меня на Конгресс осталась без внимания и удовлетворения.

С другой стороны, крайне неблагоприятно и то, что „Византийский временник” в объеме десяти листов заведомо не может удовлетворять не только самым скромным потребностям развивающегося византиноведения в СССР, но даже и нуждам той только группы ученых, которая работает в Русско-Византийской Комиссии.

Наконец, следует указать еще и на то, что даже РВК продолжает оставаться в том же неопределенном и тягостном положении, которое не дает ей возможности развернуть работу в надлежащем объеме и со всей желательной энергией.

Ограничиваясь указанием на эти три неблагоприятные обстоятельства, ходатайствую перед ОИФ о том,

1) чтобы в надлежущих инстанциях был возбужден вопрос об облегчении личных связей между учеными СССР и заграничными по научным вопросам;

2) чтобы „Византийскому временнику” предоставлена была возможность удовлетворять в надлежущей мере широким потребностям византиноведения в СССР;

3) чтобы уделено было внимание вопросу о положении РВК и связанного с нею проекта Русско-Византийского Кабинета и оказано было содействие благоустройству обоих учреждений.

Положено: 1) войти в Комиссию по содействию работам АН с запиской о желательности обеспечения сношений между учеными СССР и заграничными; 2) увеличить в предстоящем году число листов, отпускаемое „Византийскому временнику”; 3) просить Правление обсудить вопрос о предоставлении помещения для Русско-Византийской Комиссии». ¹¹

¹¹ Там же, оп. 1-а, д. 176, л. 245—248.

Между строк доклада явственно прочитывается глубокая обида ученого, который отнюдь не по собственной воле воздержался от участия в Конгрессе. Однако свое внимание он подчеркнуто заострил на другом — на тех уроках, какие следовало бы АН, ее руководству и вышестоящим инстанциям вынести из связанного с белградским Конгрессом печального опыта. «Полное отсутствие византинистов из СССР на Конгрессе» лишний раз напомнило о реальной опасности растерять все достижения нашего византиноведения, оторвав его от мирового сообщества. Не случайно с такой настойчивостью им ставился вопрос о «Византийском временнике», выпуск каждого из послереволюционных томов которого требовал от Успенского и его единомышленников неимоверных усилий (как известно, с выходом увидевшего свет в 1928 г. 25-го тома ВВ издание оборвется и будет возобновлено лишь в послевоенные годы).

Федор Иванович остановился в докладе и на большой для него теме — положении Русско-Византийской Комиссии, председателем какой он был избран в 1923 г. На протяжении всех этих лет он, как явствует из протоколов АН, постоянно хлопотал о помещении для РВК, о выделении на нее средств, защищал интересы ее сотрудников.

В майском докладе не был обойден вниманием и Русский археологический институт в Константинополе. Мысль о возрождении этого любимого его детища никогда не покидала академика. Судя по академическим протоколам, он постоянно возвращался к ней. Новые надежды в него вдохнула появившаяся в середине марта 1927 г. во французской газете «Le Temps» заметка, где сообщалось о предполагаемом весной того же года возобновлении деятельности Константинопольского института. На апрельском заседании Отделения Федор Иванович зачитал эту заметку (оказавшуюся, как покажет время, обычной газетной уткой). Аудитория отреагировала на информацию стандартной, ни к чему не обязывающей формулой: «Принять к сведению».¹²

Год спустя, в мае 1928 г., ту же тему поднял известный востоковед академик В. В. Бартольд. На Общем собрании АН 5 мая 1928 г. он «доложил свои соображения по поводу организации научного института в Константинополе». Взяв слово в прениях по докладу, Ф. И. Успенский довел до сведения собравшихся, в каком трудном положении находится он как бывший директор Русского археологического института в Константинополе: у него даже нет возможности выяснить судьбу оставшегося в Турции институтского имущества, равно как и оставленного там своего личного архива и библиотеки. В решение Общего собрания был включен следующий пункт: «Просить Непременного секретаря выяснить в ОНУ возможность командировки Ф. И. Успенского в Турцию в сопровождении его жены Н. Э. Успенской».¹³

Станным образом и на этот раз, подобно случаю с приглашением на Конгресс, в протоколах последующих заседаний о движении этого во-

¹² Там же, л. 237.

¹³ Там же, д. 177, л. 91 об.

проса нет никаких сведений. Но все же делу был дан ход. Непременный секретарь АН С. Ф. Ольденбург запросил мнение Е. П. Воронова, который возглавлял упомянутый выше ОНУ (Отдел научных учреждений при Совнаркоме СССР), о возможности поездки Ф. И. Успенского в Турцию. «Такое предварительное согласование, — писал Ольденбург, — представляется в настоящее время тем более желательным, что вопрос, о котором идет речь, выходит за пределы чисто научных интересов, затрагиваются наши международные отношения». Надобность осуществления такой командировки «в ближайшее время» мотивировалась тем, что «академик Ф. И. Успенский — один из заслуженнейших и старейших наших ученых, и поэтому какие-либо прения при разрешении его командировки были бы особенно нежелательны».¹⁴

На высокопоставленного партийного функционера эти доводы не произвели впечатления. «По имеющимся у нас сведениям, — гласил ответ Воронова на обращение непрямого секретаря, — вопрос о возвращении СССР имущества бывшего Русского археологического института в Константинополе урегулирован и в непродолжительном времени предполагается оформление его передачи. В связи с этим, я думаю, что поездка академика Ф. И. Успенского в Константинополь теряет его первоначальный смысл».¹⁵

Впреки начальственному оптимизму, история с Константинопольским институтом, некогда созданным трудами Ф. И. Успенского и на протяжении двух десятилетий им возглавляемым, тогда, в 1928 г., не кончится. Правда, планами восстановления дореволюционной научной базы в Константинополе доведется заниматься не столько ученым, сколько вскоре учрежденной в рамках Академии Секретной части Управления делами АН СССР. Этой, по своему духу родственной так называемым органам, инстанции в ноябре 1929 г. будут переданы материалы Комиссии по вопросу о Константинопольском археологическом институте.¹⁶

Да и не был ли оптимизм Е. П. Воронова показным, лишь прикрывавшим нежелание властей выпускать академика за рубеж? Во всяком случае, именно так воспринимал происходящее сам Федор Иванович. Получив запрос непрямого секретаря, предлагавший «сообщить в трехдневный срок сведения о заграничных международных конгрессах и собраниях по византиноведению на 1928/29 гг.», он ответил со свойственной ему прямотой:

«С тех пор, как в 1927 г. Правительство не нашло возможным дать мне позволение присутствовать на II Международном конгрессе византистов в Белграде, участие в котором считалось для меня в высшей степени важным и по многим основаниям обязательным, что было указано и организационным комитетом Конгресса и самим Конгрессом, а равно ввиду несогласия Правительства разрешить мне поездку в Константинополь по делам бывшего Археологического института и Росс. Палестинского общества, принято в ученых европейских кругах

¹⁴ ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, д. 104, л. 150 об.

¹⁵ Там же, л. 151.

¹⁶ См.: *Перчёнок Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 225.

думать, что я нахожусь в подозрении у Правительства. Посему в последнее время я лишен сведений по предмету, о котором запрашивает меня непременный секретарь».¹⁷

Написанное 7 августа 1928 г., за месяц до кончины ученого, письмо проникнуто понятной горечью. Оно наглядно свидетельствует, насколько непросто складывались отношения Ф. И. Успенского с новой властью, при которой академик, как явствует из приведенных выше документов, действительно стал «невъездным». В то же время письмо еще раз подтверждает, что его автор — человек благородный и сильный, ни при каких условиях не остававшийся равнодушным к произволу и превыше всего ставивший интересы науки.

¹⁷ ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, д. 104, л. 221.